

Королевская луна

Алексеева Вероника

Вероника Алексеева

Королевская Луна

<https://litres.ru/74344804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она живёт в городе белых ночей, рисует лунные пейзажи и слушает шёпот свечей. Её мир — книги, Таро и тишина старого дома. Однажды судьба касается её крылом, принося встречу, которая переворачивает всё. Пробуждается древняя сила, которую она не искала, но не может отрицать. Рядом появляется тот, кто связан с ней нитями прошлых жизней, а за ними охотится безжалостная тень. Ей предстоит шагнуть в неизведанное, чтобы спасти себя и тех, кто дорог. Это роман о любви сильнее смерти, о магии, скрытой в каждом из нас, и о том, что чудеса случаются, когда мы готовы их принять. Для тех, кто верит: свет всегда найдёт путь, даже в самом тёмном городе.

Содержание

КОРОЛЕВСКАЯ ЛУНА	4
Аннотация	5
Оглавление	7
Пролог	9
Глава 1. Город белых ночей	12
Глава 2. Йога, зелёный смузи и приглашение, которое нельзя отклонить	17
Глава 3. Прощание с городом, где началась история	27
Глава 4. Непал. Первое дыхание вечности	34
Глава 5. Пробуждение и уроки света	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вероника Алексеева

Королевская Луна

КОРОЛЕВСКАЯ ЛУНА

Книга первая

Автор книги: Вероника Алексеева
Санкт-Петербург
2026 год

Аннотация

Санкт-Петербург, город белых ночей и вечных тайн. Здесь, среди туманных набережных и старых особняков, живёт Агата Вознесенская — дизайнер, художница и начинающая ведьма. Она не искала приключений. Она просто раскладывала Таро, зажигала свечи и верила, что за пределами обыденного есть что-то большее.

Но однажды судьба постучала в её дверь в виде загадочного тура в Непал, странных снов о чёрной воде и человека в красном, который ждал её триста лет.

Когда Агата тонет в священном источнике Врат Лазаря, она воскресает с даром, которого не просила: силой исцелять, видеть суть вещей и управлять светом. Но этот дар пробуждает древнюю угрозу — тайное общество, охотящееся на магов веками, готово сделать её своей жертвой.

Вместе с Рэйном — загадочным воином, связанным с ней узами прошлых жизней, — Агата должна не только выжить, но и найти свой путь между мирами. Их история — это любовь, которая длится тысячелетия, тайны, скрытые под землёй, и битва, где свет встречается с тенью.

«Королевская Луна» — это роман о том, как важно верить в своё предназначение, даже если мир пытается убедить тебя в обратном.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Город белых ночей

Глава 2. Йога, зелёный смузи и приглашение, которое
нельзя отклонить

Глава 3. Прощание с городом, где началась история

Глава 4. Непал. Первое дыхание вечности

Глава 5. Пробуждение и уроки света

Глава 6. Лавка между мирами

Глава 7. Дождь и воин из прошлого

Глава 8. Разговоры при свечах

Глава 9. Дыхание перед бурей

Глава 10. Попкорн и первое прикосновение

Глава 11. Врата, отворённые кровью и светом

Глава 12. Город, который принял их свет

Глава 13. Свет, который не гаснет

Глава 14. Призрак, который искал своё имя

Глава 15. Тень, оставленная временем

Глава 16. Фестиваль огней и предсказаний

Глава 17. Дом на холме, где время застыло

Глава 18. Двадцать пятое октября

Глава 19. Тот, кого искали

Глава 20. Ночь, когда маски становятся лицами

Глава 21. Призраки прошлого

Глава 22. Ночь, когда маски падают

Глава 23. Тени под землёй

Глава 24. Собрание теней

Глава 25. Закат, за которым ждёт рассвет

Эпилог

Пролог

Агата Вознесенская ещё не знала, что через две недели умрёт. И уж точно не догадывалась, что это будет началом, а не концом.

Она жила в городе, который дышал водой и туманом, — в Санкт-Петербурге, где белые ночи стирают границы между явью и сном, а дожди смывают следы, чтобы каждый день можно было начать заново. Она была дизайнером в студии «Квадрат», но эта работа была лишь маской, за которой пряталась настоящая жизнь. По вечерам, когда город зажигал свои огни, Агата садилась у электрического камина — настоящий был запрещён в старом доме, — зажигала три чёрные свечи и погружалась в книги, которые другие называли бы странными. Буддийские сутры, трактаты по оккультизму, комментарии Юнга, древние манускрипты о йоге — они были для неё не просто текстами, а ключами к дверям, которые она пока не решалась открыть.

Она раскладывала Таро — и карты ложились в руку с той лёгкостью, которая не объяснялась случайностью. Карта Смерти выпадала ей снова и снова, но она не боялась её, потому что знала: за этим символом стоит не гибель, а преображение. Трансформация, которая ждёт за углом. Она считала себя просто увлечённой девушкой, немного чудаковатой, но это «чуждость» было глубже, чем она могла представить.

У неё был чёрный кот Бастет — молчаливый, но со взглядом, который видел больше, чем положено коту. Он сидел на подоконнике и смотрел на неё, когда она читала вслух мантры или зажигала свечи. Она не слышала его голоса — пока что не слышала, — но иногда ей казалось, что он знает что-то, чего не знает она. И был дедушка — тот самый, что называл её «маленькой Агатой» и верил, что она не простая, что её имя — не просто имя, а обещание. Он ушёл, когда ей было четырнадцать, но оставил ей не только воспоминания, но и шкатулку, которую она откроет позже, когда будет готова.

Мир готовил ей встречу — не случайную, а предопределённую веками. Встречу с прошлым, с судьбой, с силой, которая дремала в ней триста лет, ожидая, когда она сама сделает первый шаг. Она не знала этого, когда просыпалась по утрам и пила кофе, когда смеялась с подругами или спорила с коллегами о дизайне. Она не знала, что через две недели вода сомкнётся над её головой, и она увидит лицо того, кто ждал её всё это время.

Но где-то глубоко внутри, в том уголке души, где живут сны, она уже чувствовала приближение чего-то огромного. Как перед грозой, когда воздух становится плотным и электрическим, а сердце начинает биться быстрее без видимой причины. Она не знала, что это буря. Она только чувствовала, что скоро что-то произойдёт. И это что-то изменит всё.

Бастет, сидя на подоконнике, смотрел на неё в тот вечер, когда она в очередной раз вытянула карту Смерти. В его зе-

лёных глазах мелькнула искра — как будто он знал то, что она узнает только в Непале. И он не сказал ей ни слова. Пока.

«Скоро, Агата», — подумал он. «Скоро ты всё вспомнишь».

А она задула свечи, погладила его по голове и пошла спать, не зная, что этот сон станет последним в её старой жизни. И что проснётся она уже другой.

Глава 1. Город белых ночей

Агата Вознесенская жила в городе, который дышал водой и небом. Санкт-Петербург обнимал её сырыми ветрами и золотыми куполами, и она любила его той любовью, которую не объяснить словами, — как любят судьбу, которая ещё не свершилась.

Она просыпалась рано, даже когда не надо было в студию. Утро начиналось с ритуала, который был ей дороже многих вещей: тёплая вода, лёгкий крем, который пахнет зеленыю и морем, и шёлковая маска для сна, снятая с закрытых глаз. Агата подходила к зеркалу и видела в нём отражение, которое помнило века, — правильные черты лица, как у античной статуи, чуть тронутые веснушками; зелёные глаза с золотыми крапинками, в которых иногда мелькала тоска, слишком древняя для её возраста; и волосы — огненная грива, в которой янтарь сплетался с медью. Она не просто укладывала их — она творила с ними каждый день: то высокую ракушку из тугих жгутов, то небрежные волны, то сложные косы с шёлковыми лентами. Её причёски были как её картины — каждая со своим настроением, каждая — маленькая история.

Её руки были украшены кольцами, которые звенели при каждом движении — серебряные ободки, перстни с лунными камнями, изящные цепочки. Маникюр всегда был без-

упречен — оттенки от пыльной розы до тёмной вишни, и каждый раз подобранный под настроение и лук. Она никогда не выходила из дома без помады — алым или терракотовым следом она оставляла на губах обещание судьбе, как когда-то учила её бабушка: «Вдруг судьба поджидает за углом?» И если мама научила её уходу за кожей, то бабушка передала эту лёгкую, почти игривую веру в то, что жизнь — это свидание, и на него надо являться во всеоружии.

Она одевалась так, словно каждый день был премьерой. В её гардеробе не было случайных вещей — только те, что отзывались теплом и текстурой. Длинные юбки, мягкий кашемир, тренч песочного цвета, который она носила в дождь и в ветер, и который всегда был безупречен, как и всё, что её окружало. Обувь подбиралась под погоду с точностью часового механизма, и её ноги никогда не знали холода. Даже её рюкзак — шоколадная кожа, красная прошивка, застёжка с камнем агата — был не просто аксессуаром, а талисманом. Его сшил дедушка, мастер, который верил, что каждая вещь должна хранить тепло рук. «Чтобы ты помнила: ты — Агата, сильная и светлая», — сказал он, вручая ей рюкзак, и с тех пор она носила его как вторую кожу, всегда держа внутри порядок: колода Таро, блокнот, книга, косметичка. В каждой вещи свой дом — дедушка учил её и этому.

Но не только внешняя безупречность составляла её суть. Агата была творческой до глубины души — она умела замечать красоту там, где другие видели лишь серость. Она мог-

ла остановиться на мосту, чтобы разглядеть, как луна ломается в чёрной воде, или сидеть у окна Дома книги, провожая взглядом облака, что тянулись над Казанским собором. По пятницам, оставляя студию «Квадрат», она сворачивала на Невский и поднималась на второй этаж, где пахло старыми страницами и свежим круассаном. Она брала кофе с корицей, садилась у окна и читала — философию, поэзию, эзотерику, — и мир за стеклом казался далёким и неважным. В эти моменты она была не дизайнером, не колдуньей, не дочерью, а просто собой — той, кто слышит, как город дышит.

По субботам её ждали другие ритуалы. Утро начиналось с прогулки по магазинам с мамой — они бродили по бутикам, смеялись, примеряли платья и покупали свечи и вазы для дома. Мама была не просто родительницей, а лучшей подружкой: они могли говорить часами о пустяках, а могли молчать, и это молчание было понятным и полным. Вечером Агата ехала к родителям в пригород, где мама пекла пироги, а папа возился с розами. За ужином они говорили о погоде и о соседях, и Агата не рассказывала им о своих книгах по оккультизму, о Таро и о снах, в которых она тонула. Они не поняли бы, но они любили её, и этого было достаточно.

Но были и другие встречи — с подругами в маленькой кофейне на Рубинштейна. Анастасия, вечная прагматик, ворчала на её «лунные пейзажи», Ольга, поэтесса с серьгой в носу, защищала её, а Алина — самая близкая, та, что знала все её тайны — сидела рядом и улыбалась. Именно там, за

рафом с корицей, Алина и заговорила о йоге. О гуру Раджеше. О туре в Непал. Слово «Непал» ударило Агату, как электрический разряд, и она вдруг почувствовала, что за этим словом стоит нечто большее, чем просто путешествие. Она согласилась, ещё не зная, что это согласие изменит всё.

Она не думала об этом, когда возвращалась домой, когда садилась за мольберт и писала маслом новые пейзажи. Её кисть двигалась почти сама, вырисовывая чёрное озеро, отражающее луну, и фигуру мужчины в красном, который стоял у воды и смотрел на неё. Она не видела его лица, но знала — он ждал. Она писала до онемения рук, пока Бастет не запрыгивал к ней на колени, требуя внимания. Потом она заваривала имбирный чай, зажигала три чёрные свечи и читала «Тибетскую книгу мёртвых». Ей казалось, что она уже читала её в другой жизни.

А перед сном она доставала Таро. Карта Смерти снова и снова выпадала ей — и она знала, что это не конец, а трансформация. Обновление. Предел, за которым начинается новое.

Она ложилась в постель, и Бастет оккупировал центр кровати, как всегда. А потом приходил сон — чёрная вода, холод, и лицо человека в красном. Он тянул к ней руку, и на его запястье сиял полумесяц. Она просыпалась с криком, и Бастет стоял у неё на груди, глядя в глаза с пониманием, которое она ещё не могла расшифровать.

В такие минуты она знала — это не просто сны. Это зов.

И однажды она ответит на него.

Но пока она жила в своём городе, в своей квартире с лепниной и высокими потолками, писала картины, встречалась с подругами и улыбалась прохожим. Она не знала, что через две недели её жизнь оборвётся, чтобы начаться заново. Она не знала, что её ждут горы, вода и любовь, которая длится триста лет. Она чувствовала только лёгкое дрожание в груди, как перед бурей, и верила, что всё будет правильно.

«Скоро, Агата», — думал Бастет, глядя на неё с подоконника. «Скоро ты всё вспомнишь».

Глава 2. Йога, зелёный смузи и приглашение, которое нельзя отклонить

Суббота началась для Агаты с настойчивого звонка в дверь в пять тридцать утра. Она лежала в кровати, зарывшись лицом в подушку, и молилась, чтобы этот звук оказался частью сна. Но звонок повторился — теперь более настойчиво, с интервалом в три секунды, как у пожарной сирены.

— Агата! Открывай! Я знаю, что ты спишь, но вставай! У нас йога в шесть утра, а ты ещё даже не оделась!

Голос Алины проникал сквозь стены, и Бастет, сидевший на тумбочке, смерил дверь таким взглядом, будто готов был лично вышвырнуть непрошеную гостью в окно. Агата простонала что-то нечленораздельное, натянула одеяло на голову и попыталась провалиться обратно в сон — туда, где её ждал человек в красном.

— Агата, я знаю, что ты слышишь! У меня есть ключи от твоей квартиры, и я не побоюсь их использовать!

— Только попробуй, — простонала Агата в подушку, но через секунду услышала, как в замке поворачивается ключ. Алина ворвалась в квартиру, как ураган — с двумя стаканами зелёного смузи в руках, в спортивном костюме и с огромной сумкой через плечо. На ней были кроссовки, которые

она не сняла, ибо «время не ждёт». Она прошла в спальню, щёлкнула выключателем, и яркий свет ударил по глазам.

— Вставай, соня! Мы опаздываем! Я записала нас на пробное занятие к гуру Раджешу, и если мы пропустим, я умру от стыда!

Агата села на кровати, растрёпанная, но с чистой, ухоженной кожей — ночная маска уже впиталась, а тейпы лежали на тумбочке. Она спала как обычно: в шёлковой маске для сна, которая защищала кожу вокруг глаз от трения, и с лёгким увлажняющим кремом на лице. Уход был для неё такой же священной привычкой, как помада перед выходом.

Её голос был хриплым:

— Алина, сейчас пять тридцать утра. Пять. Тридцать. Я обычно встаю в восемь. Моя йога начинается в девять. Зачем ты пришла в пять тридцать?

— Потому что занятие в шесть! Гуру Раджеш проводит ранние практики для продвинутых, я записала нас как «продвинутых», потому что ты же у меня почти колдунья, а я почти что продвинутый йог! — Алина поставила смузи на тумбочку и начала вытаскивать из шкафа спортивную форму Агаты. — Вставай, у тебя десять минут на сборы!

Агата хотела возразить, но поняла, что спорить с Алиной, когда та завелась, бесполезно. Она вздохнула, откинула одеяло, сняла маску для сна и поплелась в ванную. На умывание, тонизирование и нанесение дневного крема у неё ушло ровно семь минут — процедура, доведённая до автоматизма.

Бастет, сидевший на подоконнике, проводил её взглядом, полным кошачьего превосходства. Ему не нужно было вставать в пять тридцать. Ему вообще не нужно было никуда идти. Он был котом.

Через двадцать минут, вопреки ожиданиям Алины, Агата стояла в прихожей полностью готовая. На ней были тёмно-синие леггинсы, свободная белая футболка из хлопка и лёгкий шёлковый кардиган на случай прохлады. Волосы она собрала в высокий пучок на затылке, чтобы не мешали во время асан, на запястьях — тонкие серебряные браслеты, маникюр цвета пыльной розы. На губы она нанесла прозрачный блеск — лёгкий и естественный, чтобы не перегружать образ в столь ранний час. Взяла свой шоколадный рюкзак с камнем агата на застёжке, положила туда полотенце, бутылку воды и маленькую косметичку для быстрой коррекции.

Алина одобритительно хмыкнула:

— Вот это я понимаю. Даже в пять утра выглядишь как с обложки. Ты бы ещё диадему надела.

— Диадема для особых случаев, — парировала Агата, застёгивая рюкзак. — Пойдём, пока такси не уехало.

Они вышли на лестницу, и Агата на мгновение обернулась. Бастет сидел на подоконнике и смотрел ей вслед зелёными глазами, в которых читалась странная серьёзность. Ей показалось, что он хотел ей что-то сказать, но она не расслышала.

«Иди, Агата, — подумал он. — Ты встретишь его».

Йога-зал находился в старом особняке на Васильевском острове, в просторной комнате с высокими потолками, деревянным полом и огромными окнами, выходящими в тихий двор. Пахло мёдом, сандалом и чем-то ещё — неуловимым, почти сказочным. Агата остановилась на пороге, вдохнула этот запах и почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Ей казалось, что она уже была здесь — не в этом теле, не в этой жизни.

В центре зала стоял мужчина в белых одеждах. Он был высок — под два метра ростом, — и его фигура казалась выточенной из тёмного дерева. Длинные чёрные волосы, собранные в низкий хвост, спускались почти до пояса, и в них уже серебрились первые седые нити — как иней на углях. Его лицо было скульптурным: высокие скулы, прямой нос, тонкие губы, сложенные в лёгкую полуулыбку, которая не касалась глаз. Но самое главное — его глаза. Чёрные, глубокие, словно два колодца, в которых отражалась бесконечность. В них не было возраста. Казалось, они видели вечность.

Он был одет в простые белые одежды — длинная туника и свободные штаны, — но в них чувствовалась древняя элегантность, будто он носил их не первый век. На шее висела тонкая нить с маленьким амулетом в виде лотоса. Его руки были длинными, с тонкими пальцами, и когда он поднял их в приветствии, в воздухе разлилось тепло.

— Добро пожаловать, — произнёс он, и голос его был мягким и глубоким, как гул горного колокола. — Я — Раджеш. Закройте глаза. Почувствуйте, что вы не просто тело. Вы — свет, который ищет путь.

Агата подчинилась. Она опустилась на коврик у окна и закрыла глаза. Мир исчез.

Первые асаны давались ей легко. Она сделала «Собаку мордой вниз», затем перешла в «Позу воина», чувствуя, как энергия течёт по позвоночнику. Дыхание стало ровным, глубоким, и в какой-то момент она перестала ощущать границы своего тела. Она была в потоке. Звуки зала стали далёкими. Она слышала только голос Раджеша:

— Выдох, вдох... почувствуйте, как пространство между лопатками раскрывается... вы — свет... вы — бесконечность...

На «Позе голубя», когда правое колено коснулось пола, а левая нога вытянулась назад, Агата провалилась в видение.

Она снова была под водой. Чёрная, ледяная вода смыкалась над головой, лёгкие горели, но страха не было — только странное ожидание. И в этот раз она видела его ясно. Человек в красном стоял на дне озера, не тонул. Его длинные тёмные волосы поднимались к поверхности, как водоросли, алые одежды развевались в воде. Его лицо было прекрасным — острые скулы, прямой нос, глаза цвета горного озера, смотрящие на неё с невыносимой силой. Он протянул руку,

и на его запястье она увидела серебряный полумесяц.

— Ты идёшь, — сказал он. — Я ждал тебя триста лет.

Его рука коснулась её ладони, и полумесяц засветился — и такой же свет появился на её собственном запястье.

— Найди меня у Врат Лазаря.

Агата открыла рот, но вода хлынула, и она проснулась на коврике в шавасане. По её щекам текли слёзы. Она сжала запястье — кожа была гладкой, но в том месте, где горел полумесяц, она чувствовала тепло. Мистическое, настоящее, неоспоримое тепло.

Она посмотрела на гуру. Он сидел в центре зала и смотрел прямо на неё. В его глазах мелькнуло узнавание. Он знал.

Когда занятие закончилось, Раджеш не стал отпускать учеников. Он поднялся и жестом пригласил всех в соседнюю комнату — небольшой зал с мягкими креслами, столиком и проектором на стене. На столике лежали красочные брошюры и блокноты.

— Я пригласил вас на эту практику не только для того, чтобы познакомить с йогой, — начал он, когда все расселись. — Я хочу пригласить вас в путешествие, которое изменит вашу жизнь. Мы организуем паломнический тур в Непал — в Гималаи, к священным местам, где энергия древних цивилизаций сохранилась до сих пор.

Он нажал кнопку на проекторе, и на стене появилось изображение заснеженных вершин, утопающих в облаках, —

величественных и одновременно уютных, как будто они приглашали войти.

— Мы начнём наше путешествие в Катманду, — продолжил Раджеш. — Это столица Непала, город храмов и монастырей. Мы проведём там два дня, посетим древнюю ступу Сваямбунатх, которую называют «Храм обезьян», и главный храм Пашупатинатх, где вы сможете увидеть ритуалы индуистских жрецов. А также — посетим музей, где хранятся рукописи буддийских монахов, некоторые из которых датируются X веком.

На экране сменилась картинка: теперь там был водопад, падающий в чёрное озеро среди скал, и старый монастырь на вершине холма.

— Затем мы отправимся в горы, — голос Раджеша стал мягче. — Мы поедem в небольшое селение Нагаркот, где с вершины открывается панорама на Гималаи. Там мы остановимся в гостевом доме — маленьком семейном отеле с видом на горы. Там мы будем просыпаться под звон колокольчиков и есть местную еду — дал-бат, это рис с чечевицей, и свежие овощи. Вода — только бутилированная или кипячёная. Я лично проверю все условия.

Он переключил слайд, и появился водопад — тот самый, который видела во сне Агата. Чёрная вода, падающая в озеро, окружённое скалами.

— Мы доберёмся до водопада, который называют «Врата Лазаря». Это место, где по легенде вода может вернуть к

жизни не только тело, но и душу. Мы проведём там целый день — медитации, ритуалы и, если вы будете готовы, окунёмся в источник. Я проведу вас к нему, но только с вашего согласия. Это место очень мощное, и оно требует уважения.

Раджеш сделал паузу и обвёл группу взглядом. Агата сидела не дыша. Она чувствовала, что он говорит о том самом месте — о её сне, о человеке в красном, о дедушкиной записке.

— После водопада мы вернёмся в Катманду и проведём заключительный день в монастыре, где вы сможете пообщаться с монахами, задать вопросы и получить благословение на дальнейший путь.

Он снова нажал кнопку, и на экране появилась таблица с цифрами.

— Длительность тура — десять дней. Проживание — в гостевых домах и небольших отелях, двухместные номера с удобствами. Питание — три раза в день, вегетарианская кухня, есть возможность заказать постные блюда. Мы обеспечиваем трансфер из аэропорта и обратно, сопровождение гида и меня как вашего наставника. Стоимость — 150 000 рублей на человека, включая все перелёты и экскурсии, без учёта личных расходов. Группа будет небольшой — до двенадцати человек. Мы вылетаем через три недели.

В комнате повисла тишина. Кто-то перешёптывался, кто-то доставал телефоны, чтобы посчитать. Агата смотрела на водопад на экране и чувствовала, что это не просто поездка.

Это её судьба.

— Я еду, — сказала она громко, и голос её прозвучал увереннее, чем она ожидала.

Алина обернулась к ней, удивлённая:

— Агата, это же дорого! И три недели! Ты уверена?

— Я уверена. — Агата посмотрела на Раджеша. Он встретил её взгляд и едва заметно кивнул. — Я должна там быть.

Алина моргнула, потом улыбнулась:

— Ну, если ты едешь, то и я еду. Кто же будет тебя контролировать, чтобы ты не вышла замуж за какого-нибудь монаха?

Агата засмеялась, но внутри у неё было странное, почти благоговейное спокойствие. Она знала — это начало. И что бы ни ждало её в Непале, она была готова.

После занятия она подошла к Раджешу, чтобы поблагодарить. Он стоял у окна и, когда она приблизилась, повернулся к ней. Его глаза смотрели с такой глубиной, что у неё перехватило дыхание.

— Ты видела его, — сказал он. Это был не вопрос. — Он ждёт тебя, Агата. И ты готова.

— Откуда вы знаете моё имя? — спросила она.

— Я знаю больше, чем ты думаешь. — Он улыбнулся впервые, и в этой улыбке была тысячелетняя мудрость. — Твой дедушка был моим другом. Он говорил, что ты придёшь. Он говорил, что ты светлая. И он был прав.

Агата сглотнула ком в горле.

— Он говорил, что ты узнаешь, когда встретишь того, кто носит красное. И ты уже встретила его.

Она открыла рот, чтобы спросить ещё, но гуру поднял руку, останавливая её.

— Всему своё время, Агата. Ты узнаешь всё, когда окажешься у Врат Лазаря. А пока — готовься к путешествию. И возьми с собой веру.

Он развернулся и вышел, оставив её стоять с застывшим сердцем и тысячей вопросов в голове.

Вечером, вернувшись домой, Агата села за мольберт. Она написала новый пейзаж: чёрное озеро, отражающее луну, и фигуру человека в красном, стоящего у воды. Его лица она не видела, но знала — это он.

Бастет сидел рядом на подоконнике и, казалось, одобрительно щурился. Она подняла запястье, где во сне горел полумесяц, и ей показалось, что кожа чуть теплее в этом месте.

— Я иду, — прошептала она. — Я иду, дедушка. Я иду к нему.

А за окном зажигались огни Санкт-Петербурга, провожая её в самое большое путешествие её жизни.

Глава 3. Прощание с городом, где началась история

Агата проснулась на следующее утро с чувством, что мир вокруг неё изменился. Не физически — город всё так же дышал сырым ветром, за окном шумели редкие машины, а Бастет, как всегда, оккупировал центр подушки, — но внутри неё что-то сдвинулось. Словно кто-то тихо, но настойчиво открыл дверь, которую она считала запертой навсегда.

Она села на кровати, провела рукой по лицу — кожа была гладкой, но под пальцами она чувствовала лёгкое тепло в том месте на запястье, где во сне горел полумесяц. Агата поднесла руку к глазам и всмотрелась в бледную кожу. Никакого следа. Но ощущение осталось — словно невидимая нить тянулась оттуда куда-то далеко, за горизонт, за горы, за время.

Бастет открыл один глаз и посмотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. В его зелёных глазах мелькнула искра — будто он знал, что она собирается сделать. Но он промолчал, лишь лениво потянулся и спрыгнул с подушки, направляясь к кухне, где его ждала миска с завтраком.

Агата улыбнулась. Даже кот чувствовал, что что-то начинается.

Она встала, сделала несколько глубоких вдохов — привычка, которую она переняла у Раджеша, — и пошла в ванную. Утренний ритуал был прежним, но теперь в каждом движении было что-то новое: когда она наносила крем на лицо, ей казалось, что она готовит себя не к очередному дню в студии, а к чему-то гораздо более важному. К чему-то, что требовало не просто ухода за кожей, а подготовки всей души.

Она завязала волосы в низкий хвост — сегодня без сложных причёсок, только простота, чтобы не отвлекаться, — и вышла на кухню, где застала Алину, уже сидящую на табуретке с кружкой чая. Подруга смотрела на неё с улыбкой, в которой смешивались любопытство и лёгкое беспокойство.

— Ты выглядишь так, будто собираешься не на работу, а в кругосветное плавание, — сказала Алина, отпивая чай. — Глаза горят. Я даже немного боюсь.

Агата засмеялась, но внутри у неё ёкнуло.

— Наверное, так и есть, — ответила она, наливая себе зелёный чай. — Я думала о поездке. Всю ночь. Я не могу перестать думать о том, что Раджеш сказал. О Вратах Лазаря. О том, что там происходит.

Алина поставила кружку и посмотрела на неё серьёзно.

— Слушай, Агата, я знаю, что ты увлекаешься всей этой магией, гаданиями, и я тебя никогда за это не осуждала. Но этот тур... Ты уверена, что это не просто очередное увлечение? Или способ сбежать от чего-то?

Агата замолчала. Она знала, что Алина говорит это не из

вредности, а из любви. Она всегда была тем голосом разума, который напоминал ей о реальности. Но в этот раз реальность казалась слишком узкой для того, что она чувствовала.

— Это не увлечение, — тихо сказала она. — Это что-то другое. Я не знаю, как это объяснить. Я чувствую, что должна там быть. Что-то меня зовёт. И если я не пойду, я никогда не узнаю, что это.

Алина вздохнула, и на её лице появилась та самая улыбка, которую она носила, когда принимала что-то, что не понимала до конца.

— Тогда поехали. Я подала заявку, пока ты спала. И уже купила нам авиабилеты. Завтра улетаем.

Агата чуть не поперхнулась чаем.

— Завтра?!

— Ну да, — Алина пожала плечами с видом человека, который уже всё решил. — Зачем ждать три недели? Ты же сама сказала — ты должна быть там. Да и Раджеш подтвердил, что места есть, группа почти набралась, и мы можем присоединиться раньше. Он ждёт нас в Катманду через три дня.

Агата смотрела на подругу, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна благодарности. Алина была тем человеком, который никогда не задавал лишних вопросов, если видел, что человеку это нужно.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты есть.

— Не благодари, — фыркнула Алина. — Лучше собирайся. Нам надо успеть попрощаться с городом. С родителями.

С твоим рыжим бандитом. И, главное, купить нормальные треккинговые ботинки.

Тот день стал днём прощания. Агата не сразу поняла это, но каждое действие, каждая встреча была пропитана этим чувством — словно она уезжала не на десять дней, а навсегда. Она попросила отгул в студии, и её начальник, удивлённый её решительностью, отпустил её без лишних вопросов. Она встретилась с Анастасией и Ольгой в той самой кофейне на Рубинштейна, и они смотрели на неё так, будто видели впервые.

— Ты другая, — сказала Ольга, держа в руках чашку с рафом. — Что-то в тебе изменилось. Как будто ты уже уехала, хотя всё ещё здесь.

Анастасия кивнула.

— Ты всегда была странной, но сейчас... ты выглядишь так, будто нашла то, что искала. Или то, что искало тебя.

Агата улыбнулась, но не нашла слов. Как можно объяснить то, что ты сама до конца не понимаешь?

Они попрощались у дверей кофейни, и Агата постояла на тротуаре, глядя, как городские огни отражаются в мокром асфальте. Влажный ветер коснулся её лица, и она подняла воротник тренча, чувствуя, как этот жест становится прощанием. С городом. С собой прежней.

Потом она пошла в Дом книги. Поднялась на второй этаж, взяла чашку кофе с корицей — такой же, как всегда, — и

села у окна, выходящего на Казанский собор. Она не читала. Она просто смотрела на прохожих, на облака, на купола, которые золотились в лучах заходящего солнца. Она пыталась запомнить каждую деталь: звук перелистываемых страниц, запах старой бумаги, вкус горячего кофе на губах. Всё это было частью её, и она уносила это с собой.

Вечером она приехала к родителям. Мама накрыла стол, как для праздника, хотя повода не было. Агата сидела за ужином и чувствовала, как мамин взгляд скользит по ней, пытаясь прочесть что-то, что она не говорила вслух.

— Я поеду в Непал, мам, — сказала она, наконец, когда папа подлил ей чай. — Завтра. Я должна.

Мама не стала спорить. Она только посмотрела на неё с той тревогой, которая бывает только у матерей, и тихо сказала:

— Ты знаешь, что мы всегда будем тебя ждать. Но... будь осторожна. Ты не просто едешь в горы, правда? Ты едешь искать что-то. Или кого-то.

Агата посмотрела на маму и вдруг поняла, что та знает больше, чем говорит. Как и бабушка. Как и Бастет. Возможно, все они были частью этой истории, даже не подозревая об этом.

— Я найду его, — сказала она, и слова вырвались сами собой. — И я вернусь.

Папа, который до этого молчал, поднял глаза и улыбнулся ей своей редкой, тёплой улыбкой.

— Твоя бабушка всегда говорила: «Судьба ждёт за углом». Ты всегда была той, кто за угол заглядывает. Поезжай, Агата. Мы здесь. Мы всегда будем здесь.

Домой она вернулась поздно. Город уже затих, и лишь фонари продолжали стоять на страже. Она села за мольберт и написала последний пейзаж перед отъездом: чёрное озеро, отражающее луну, и фигуру человека в красном. Но на этот раз она видела его лицо — не в деталях, но она знала, что это он. Он ждал. И она шла к нему.

Бастет запрыгнул на стол и сел рядом, глядя на картину. В его зелёных глазах читалось понимание, которое она только начинала принимать.

— Я уезжаю завтра, — сказала она, поглаживая его по голове. — Ты будешь скучать по мне, рыжий бандит?

Бастет фыркнул, но она знала, что это было его способом сказать: «Я буду скучать, но я знаю, что ты должна уехать. И я знаю, что ты вернёшься».

Она легла в постель, но не могла уснуть. Она лежала с открытыми глазами и слушала, как за окном дышит город. Ветер шептал что-то о горах и воде, о человеке, который ждал её триста лет. Она чувствовала, как её жизнь заканчивается, чтобы начаться заново, — и от этого внутри разрасталось странное, почти благоговейное спокойствие.

«Ты готова», — прошептал кто-то на границе сна. И она не знала, был ли это её собственный голос или голос мужчи-

ны в красном. Но она знала, что это правда.

А завтра она уедет в страну, где горы касаются неба, а вода может вернуть к жизни не только тело, но и душу. И там, у Врат Лазаря, она встретит свою судьбу.

Глава 4. Непал. Первое дыхание вечности

Раннее утро встретило Агату серым петербургским небом, которое словно прощалось с ней долгим, влажным взглядом. Она стояла у окна с чашкой чая, и город за стеклом казался призрачным — размытые силуэты домов, мокрый асфальт, отражающий утренний свет, и чайки, кружащие над Невой. Она пыталась запомнить каждую деталь: звук шагов по скрипучему паркету, запах старой бумаги и лаванды, который всегда напоминал ей о доме, тёплое дыхание Бастета, который сидел на подоконнике и следил за ней взглядом, полным понимания.

— Я скоро вернусь, — сказала она, поглаживая его по голове. — Ты присмотришь за домом?

Бастет моргнул. В его зелёных глазах мелькнуло что-то, что она не могла прочитать — то ли прощание, то ли обещание. Он спрыгнул с подоконника, подошёл к её рюкзаку и сел рядом, как будто хотел сказать: «Я бы поехал с тобой, но кто-то должен охранять твои свечи и книги».

Агата улыбнулась, и на мгновение у неё защипало глаза. Она никогда не была сентиментальной, но в этот момент она чувствовала, как город, дом, все эти маленькие ритуалы отступают, освобождая место для чего-то нового. Она взяла

свой шоколадный рюкзак — подарок бабушки, с камнем агата на застёжке, — и вышла из квартиры, не оглядываясь.

В аэропорту её ждала Алина, уже успевшая купить в дюти-фри шоколадку, которую, по её словам, «можно будет съесть, когда станет очень страшно».

— Ты как? — спросила Алина, глядя на неё с той смесью любопытства и беспокойства, которую она всегда носила на лице, когда речь шла о чём-то важном.

— Готова, — ответила Агата, и слово прозвучало увереннее, чем она сама ожидала.

Они прошли регистрацию, сели в самолёт, и когда лайнер оторвался от земли, Агата прильнула к иллюминатору. Город, который она так любила, медленно таял в облаках, превращаясь в серебряную нить, уходящую за горизонт. Она чувствовала, как прошлое отпускает её, как невидимые руки, державшие её до сих пор, разжимаются, давая ей свободу. Она не знала, куда это её приведёт, но она знала, что это правильно.

Перелёт длился больше восьми часов, но Агата не заметила времени. Она почти не спала — она смотрела в окно, следила за тем, как облака сменяются горами, как зелень становится плотнее, а воздух — прозрачнее. Когда самолёт начал снижаться над Катманду, у неё перехватило дыхание.

Город был другим. Совсем другим. Он лежал в долине, окружённой холмами, и его крыши — красные, оранжевые,

золотые — казались россыпью драгоценных камней на зелёном бархате. Дым от сотен ритуальных костров поднимался к небу, смешиваясь с туманом, и в этом воздухе чувствовалась древность — не просто древность, а вечность, которая дышала через каждый камень.

Агата вышла из самолёта, и первое, что её коснулось, был ветер — тёплый, пахнувший сандалом, цветами и чем-то ещё, что она не могла определить. Что-то древнее, что-то, что ждало её.

— Здесь всё иначе, — прошептала она, и слова растворились в воздухе, смешавшись с криками птиц и далёким звоном колоколов.

Алина подошла к ней, тоже ошеломлённая, хотя старалась этого не показывать. Она сжимала в руке шоколадку, так и не открытую, и смотрела на город с любопытством, смешанным с лёгким страхом.

— Ты чувствуешь это? — спросила Агата.

— Что именно? — переспросила Алина, обводя взглядом горы.

— Здесь что-то есть. Что-то, что зовёт.

Алина посмотрела на неё и ничего не сказала. Впервые за всё время их знакомства она не нашла слов, чтобы пошутить или успокоить. Она просто кивнула.

Их встретил Раджеш. Он стоял у выхода из аэропорта, в простых белых одеждах, и его длинные волосы развевались

на ветру. Его глаза — чёрные, бездонные, как ночь в горах — встретились с глазами Агаты, и на мгновение она почувствовала, что он видит её не только такой, какая она есть, но и такой, какой она была раньше. И той, которой ей предстояло стать.

— Добро пожаловать, Агата, — сказал он, и голос его был как далёкий горный звон. — Ты пришла. Я знал, что ты придёшь.

Она не знала, что ответить. Слова казались ненужными. Она просто посмотрела на него и улыбнулась той тихой улыбкой, которую рождают только важные моменты.

Они сели в старенький джип, и дорога через Катманду была похожа на сон. Город пульсировал жизнью: женщины в ярких сари шли по улицам, держа на головах корзины с цветами; мужчины сидели у входа в храмы и читали мантры, перебирая чётки; священные коровы неторопливо переходили дорогу, не обращая внимания на машинные гудки. Воздух был наполнен звуками: колокольчики, пение, смех, и где-то далеко — гул горных рек.

— Мы остановимся в гостевом доме, — сказал Раджеш, пока джип поднимался по узкой улочке. — Завтра мы начнём подъём в горы. К Вратам Лазаря.

Агата кивнула, хотя слова «Врата Лазаря» отозвались в ней волной тепла, которая прошла от макушки до самых кончиков пальцев. Она поднесла руку к запястью — тому месту, где во сне горел полумесяц. Теперь кожа была гладкой, но

она чувствовала его. Так же отчётливо, как если бы он был нарисован на её коже огнём.

Гостевой дом оказался маленьким оазисом среди каменных стен Катманду. Внутренний двор был украшен резными деревянными колоннами и цветами — оранжевыми, красными, жёлтыми, которые росли в глиняных горшках. В центре стоял небольшой бассейн, в котором плавали лепестки. Запах жасмина смешивался с ароматом свежего хлеба и специй.

Агата и Алина поселились в комнате на втором этаже, с окнами, выходящими во двор. Когда они остались одни, Алина опустилась на кровать и с облегчением выдохнула:

— Ты чувствуешь это? Он смотрит на тебя так, будто знает тебя сто лет.

— Может быть, так и есть, — тихо ответила Агата, глядя в окно на горы, которые уже темнели в вечерних сумерках. — Может быть, он знает меня дольше.

Алина не нашлась, что ответить. Она просто взяла шоколадку, разорвала упаковку и протянула её Агате.

— Держи. Мы ещё не у Врат Лазаря, а уже начинаем сходиться с ума. Надо подкрепиться.

Агата засмеялась — впервые за этот долгий день. Она взяла кусочек шоколада, и он растаял на языке сладкой, успокаивающей теплотой.

Вечером они ужинали во дворе под открытым небом. Раджеш сидел во главе стола, и его лицо было освещено огнём масляной лампы. Он говорил о завтрашнем маршруте, о том, что предстоит подняться к Вратам Лазаря через перевал, который местные называют «Дыханием Богов». Он говорил о том, что путь будет долгим, но каждый шаг будет приближать их к цели.

Агата слушала, но её мысли были далеко. Она смотрела на небо, и в нём звёзды были такими яркими, какими она не видела их в Петербурге — огромными, близкими, словно они касались вершины гор, которые темнели на горизонте. Где-то там, за этими горами, ждал человек в красном. И она чувствовала его присутствие так же отчётливо, как чувствовала своё собственное дыхание.

— Завтра, — прошептала она одними губами. — Завтра я приду к тебе.

И в этот момент ветер, который играл с пламенем лампы, принёс ей аромат, который она не могла спутать ни с чем. Это пахло водой — чёрной, холодной водой того озера, которое она видела во сне. И она знала: он тоже чувствует её.

Она закрыла глаза, и улыбка тронула её губы. Она была дома. Наконец-то.

Глава 5. Пробуждение и уроки света

Она очнулась не от света, а от тишины. От той особенной тишины, которая бывает только в горах, когда даже ветер замирает, чтобы не нарушить покой веков. Агата лежала на твёрдой циновке, и над ней нависал каменный свод — старый, тёплый, покрытый патиной времени. Воздух был прохладным и сухим, с запахом старого дерева, благовоний и свечей. Она не сразу поняла, где находится. Сознание возвращалось медленно, как вода, просачивающаяся сквозь песок.

Воспоминания нахлынули обрывками: чёрная вода, холод, её тело, уходящее в глубину, и лицо — лицо человека в красном, который смотрел на неё с такой болью и любовью, что у неё перехватило дыхание даже сейчас, в этой тишине. Она помнила его руку, протянутую к ней, и полумесяц, сияющий на его запястье. А потом — пустота. И пробуждение здесь, в этом каменном убежище, где время текло иначе.

Она попыталась приподняться, и каждое движение отдавалось лёгкой слабостью в теле. Но боли не было. Она чувствовала себя так, будто проспала сотню лет и проснулась обновлённой, очищенной от всего, что тянуло её вниз.

— Ты проснулась, — раздался голос. Мягкий, как шёпот

ветра в листве, и в то же время уверенный, как у того, кто привык говорить с миром на равных.

Агата повернула голову и увидела его. Молодого монаха, сидящего у входа в келью, на низком деревянном пороге. Он был одет в простые оранжевые и красные одежды, и его лицо было таким же спокойным, как горное озеро. Тёмные волосы, коротко стриженные, и глаза — необыкновенно светлые, почти серебряные, с оттенком голубизны. Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой, в которой не было ни удивления, ни вопроса — только принятие.

— Тензин? — прошептала она, и имя пришло к ней само, словно она знала его всегда.

— Ты помнишь моё имя, — сказал он, и в его голосе мелькнула тёплая искра. — Это хорошо. Иногда после Врат Лазаря разум помнит не сразу. Но ты — ты иная. Ты помнишь всё, что нужно.

Агата попыталась сесть, и Тензин помог ей, поддерживая за плечи. Его руки были тёплыми и сильными, и от них исходило то же спокойствие, которое она чувствовала в его взгляде.

— Что случилось? — спросила она, хотя внутри уже знала ответ. — Я утонула?

— Ты утонула в озере у Врат Лазаря, — подтвердил он. — Твоё тело не дышало. Мы нашли тебя на берегу, когда пришли на утреннюю медитацию. Твоя подруга Алина была в отчаянии. Она рассказала нам, что вы шли к водопаду, и

ты упала в воду.

Агата опустила глаза. Она помнила, как поскользнулась на мокрых камнях, как холодная вода сомкнулась над головой, как она погружалась в чёрную бездну. Но вместо страха она чувствовала только лёгкость — и присутствие кого-то, кто ждал её там, внизу.

— Я видела его, — прошептала она. — Он был там. Человек в красном.

Тензин не ответил сразу. Он только наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на печаль и понимание.

— Мы знаем о нём, — сказал он наконец. — Но не все готовы его видеть. Ты — готова. Ты — та, кого он ждал.

Он встал, и его движения были плавными, как у человека, который привык двигаться в такт с дыханием мира.

— Но сначала тебе нужно восстановиться. И научиться тому, что теперь стало твоей частью. Идём, я покажу тебе, где ты будешь жить.

Монастырь оказался больше, чем казался сначала. Это был не один храм, а целый комплекс, встроенный в скалу, словно вырезанный из неё веками терпеливых рук. Каменные переходы соединяли маленькие дворы, где росли деревья с нежно-розовыми цветами, и в каждом дворе был колодец с кристально чистой водой. Узкие лестницы вели на верхние террасы, откуда открывался вид на бесконечные

горные цепи, одетые в туман и снег.

Тензин провёл Агату через эти переходы, и она чувствовала, как каждый шаг приближает её к чему-то важному. В воздухе пахло сандалом, старой бумагой и свежим хлебом, который пекли где-то в недрах монастыря. Где-то звенели колокольчики, и в этом звоне была древняя музыка, которая успокаивала и наполняла.

— Это твоя келья, — сказал Тензин, останавливаясь у одной из дверей. — Здесь ты будешь жить, пока длится твоё обучение. Внутри всё необходимое: циновка, свечи, небольшой алтарь. Если тебе что-то понадобится, ты можешь прийти ко мне или к любому из монахов. Мы здесь, чтобы помогать тебе.

Агата вошла внутрь. Келья была небольшой, но светлой — узкое окно выходило на восток, и утреннее солнце заливало комнату теплым светом. На стенах были вырезаны мандалы — сложные узоры, которые, казалось, двигались в такт её дыханию. В углу стоял низкий столик с чашей и деревянной чашкой.

— Я чувствую себя так, будто уже была здесь, — сказала она тихо. — Во сне. Или в другой жизни.

— Может быть, так оно и есть, — ответил Тензин, и в его голосе не было иронии. — Ты не первая, кто приходит к нам с этим чувством. И не последняя.

В первый день она почти ничего не делала. Ей дали время

привыкнуть к телу, которое стало легче, к дыханию, которое стало глубже. Она сидела на циновке и смотрела в окно, как солнце ползло по горам, окрашивая их в золото и розовое. Она слушала звуки монастыря: шаги монахов по каменному полу, их тихое пение, звон колоколов, который проникал в самые глубины её сознания.

На второй день к ней пришёл Тензин с чайником и двумя пиалами. Они сели у окна, и он налил ей чай — тёплый, горьковатый, с нотами трав и имбиря. Пар поднимался к потолку, и в его клубах Агата видела лица, которых не могла узнать, но которые казались ей родными.

— Сегодня мы начнём твоё обучение, — сказал он. — Ты уже чувствуешь, что внутри тебя изменилось. Ты чувствуешь силу, которая текла через Врата Лазаря. Теперь ты должна научиться управлять ею. Иначе она будет управлять тобой.

Он поставил перед ней пустую деревянную чашку.

— Подними её. Только не руками. Силой мысли.

Агата сосредоточилась. Она смотрела на чашку, пытаясь представить, как она поднимается, как она отрывается от стола. Но ничего не происходило. Она напрягалась, чувствуя, как в теле разрастается напряжение, но чашка оставалась неподвижной.

— Не так, — сказал Тензин, и его голос был мягким, как прикосновение ветра. — Ты не мышцами поднимаешь её. Ты соединяешься с ней. Ты и она — одно. Представь, что чашка — это продолжение твоей руки. Что она принадлежит тебе

так же, как твоё собственное дыхание.

Агата закрыла глаза. Она сделала глубокий вдох, и на выдохе позволила себе раствориться в этом ощущении. Она перестала быть отдельной от чашки, от стола, от камня, на котором стояла чашка. Она стала частью всего этого. И когда она открыла глаза, чашка медленно, почти неуверенно, оторвалась от стола. Она дрожала в воздухе, как бабочка на ветру, но она летела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.